

ДИНАМИКА ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ ШАХТЕРОВ КУЗБАССА ВО ВРЕМЯ ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНЫМ ОТНОШЕНИЯМ (1992–1999 гг.)

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда
и Администрации Кемеровской области, проект № 11-11-42009а/Т.*

Рассматривается динамика протестного движения шахтеров Кузбасса во время перехода к рыночным отношениям. Показана ее связь с социально-экономическими и общественно-политическими процессами в регионе и стране. Рост протестной активности вызывал качественно новую волну преобразований в главной отрасли экономики края, а затянувшаяся борьба негативно отразилась на социально-профессиональной структуре горняков, их лидерстве в рабочем движении, общей солидарности трудящихся на уровне региона и страны.

Ключевые слова: переход к рынку; Кузбасс; шахтеры; протесты; динамика.

Ключевые преобразования в системе социально-экономических отношений современной России были осуществлены в 1992–1999 гг. В течение данного периода россияне не только почувствовали преимущества рыночной модели экономики, но и, в не меньшей мере, ощутили социальные трудности, которые динамично нарастали и усиливали их протестные настроения. Как и на рубеже 1980–1990-х гг., в последнее десятилетие XX в. шахтеры Кузбасса были в центре общественно-политической жизни страны, прежде всего, являлись организаторами многих региональных и общероссийских выступлений за социально-экономические права трудящихся и пенсионеров. Акции протеста кузбасских горняков во многом определяли динамику борьбы их коллег в других угледобывающих регионах. Вместе с тем рабочие угольных предприятий Кузнецкого края в 1990-е гг. уже не являлись безоговорочными лидерами шахтерского движения, как это было, например, в конце советской эпохи. Детальный анализ протестного движения горняков Кузбасса в рассматриваемый период позволяет определить как региональные, так и общероссийские особенности данного процесса, его влияние на социально-экономическую политику в стране.

Некоторые вопросы динамики протестного движения шахтеров Кузнецкого края во время перехода к рынку получили отражение в региональной историографии. Многие аспекты борьбы шахтеров за свои трудовые права на первом этапе рыночных реформ описаны в солидном исследовании кемеровских ученых – «Угольная промышленность Кузбасса. 1721–1996» [1]. Связь протестного движения рабочих и реструктуризации угольной промышленности хорошо представлена в статье известного исследователя шахтерского движения Кузбасса Д.В. Воронина [2]. Вместе с тем анализ работ кузбасских историков показывает наличие в некоторых из них отдельных хронологических неточностей [3], субъективизма [4] и конъюнктурных соображений [5]. Особое недоумение вызывают взгляды профессора Л.Н. Лопатина. В работе «Шахтеры и “начальство” о рабочем движении Кузбасса в 1989–90-е гг. К 20-летию забастовки (Историография. Анализ. Мнения)» он, например, характеризует 1998–2000-е гг. как период рабочего движения Кузбасса, когда имелось «полное отсутствие активности рабочих в борьбе за свои права» [4. С. 23]. Достаточно изучить подшивку самой авторитетной областной газеты – «Кузбасс» – за

1990-е гг., и станет ясно, что таких массовых и радикальных действий шахтеров края с целью отстаивания своих социально-экономических прав, как в 1998 г., не было ни в одном другом году. Об этом говорят и многие документы, в первую очередь – из муниципальных архивов.

Динамика протестного движения шахтеров Кузбасса во время перехода к рыночным отношениям имела синусоидный характер. В протестной активности угольщиков края год за годом повторялись одни и те же сезонные всплески: февраль – март, когда шла борьба за подписание Отраслевого тарифного соглашения (ОТС) и выделение более высокого объема госдотаций; сентябрь – октябрь, когда шла борьба за выбивание денег, положенных в соответствии с подписанными ОТС и бюджетом. С 1995 г. акции протеста шахтеров Кузбасса уже не ослабевали и в конце календарного года. Наиболее крупные забастовки происходили в феврале – марте в рамках всероссийских стачек.

Проведенное исследование позволяет определить три основных этапа протестного движения шахтеров Кузбасса: подъем (1992–1996 гг.), кульминацию (1997–1998 гг.) и спад (1999 г.). Данная динамика в целом совпадает с эволюцией забастовочного движения в России в 1990-е гг., которая после 1997 г. имела все-таки отрицательный характер. Между тем, по справедливому мнению А.М. Кацвы, снижение показателей забастовочных выступлений (кроме угледобывающих предприятий) в 1998 г. никак не сказалось на масштабах протестного движения в стране [6. С. 92, 107], тем более в шахтерских регионах. В том году протесты приобрели разнообразный, прежде всего радикальный характер, а высокий уровень общественной поддержки, например, «рельсовых войн» [7] указывает на легитимизацию неконституционных методов борьбы горняков. Их экстремизм стал следствием роста недовольства социально-экономической политикой президента и правительства РФ, в первую очередь провалами в сфере реформирования угольной промышленности. Однако нарастание протестных действий приняло затяжной характер, что свидетельствует о долгом «созревании» шахтеров края, трансформации их политических взглядов и подходов в борьбе за свои права.

Переход к рыночным отношениям с 1992 г. ознаменовался ростом протестного движения трудящихся и пенсионеров всей страны. Первоначальной причиной

недовольства стала инфляция, которая быстро привела к падению жизненного уровня населения. Поэтому ключевым лозунгом протестовавших в том году было требование повышения заработной платы. Однако инициаторами протестных акций являлись в основном учителя и медики, а рабочее движение оказалось инертным как в стране [8. С. 266], так и в регионе. Горняки Кузбасса долгое время сохраняли пассивность в отстаивании своих социально-экономических прав и ограничивались отдельными непродолжительными выступлениями в форме забастовок. Протестное движение шахтеров, несомненно, сдерживалось целым рядом факторов. Некоторые из них имели краткосрочный характер, другие же гасили пламя борьбы на протяжении многих лет. Среди наиболее важных причин и факторов нейтрализации шахтерского движения Кузбасса в 1990-е гг. выделяются следующие.

Во-первых, чувство ответственности шахтеров Кузбасса за рыночные преобразования в стране. В ходе забастовочного движения в 1989–1991 гг. они дружно отстаивали принципы самостоятельности, хозрасчета и рыночной конкуренции. Члены рабочих комитетов шахтерских городов Кузбасса требовали быстрее перехода к рынку, они неоднократно обвиняли союзное руководство в инертности экономических реформ. Большинство угледобытчиков верили, что социально-экономические трудности, с которыми столкнулись рабочие, имеют временный характер. Авторитет президента РФ Б.Н. Ельцина в начале 1990-х гг. был весьма высоким, но уже в 1993 г. позиции главы государства среди кузбасских шахтеров стали слабеть. Дольше других Б.Н. Ельцину верили члены Независимого профсоюза горняков России (особенно в Кузбассе) [9. С. 180], но и они в 1997 г. перешли в оппозицию.

Во-вторых, шахтерам повысили заработную плату накануне и в начале рыночных реформ. Разрыв между зарплатой шахтера и учителя в 1992 г. увеличился с 3–4 до 10 раз [9. С. 182]. Уже в январе того года правительство РФ демонстративно отказалось от переговоров с профсоюзами [10]. Таким образом, меры социальной защиты населения со стороны главного исполнительного органа страны в начале «шоковой терапии» были проигнорированы. Шахтеры Кузбасса, как и других угольных регионов, в тот момент промолчали и постепенно стали утрачивать позиции лидеров протестного движения в стране.

В-третьих, отсутствие должной солидарности шахтеров не только на общероссийском, но и на региональном уровне. Дефицит солидарности стал следствием таких причин, как усиление борьбы за рынки сбыта между предприятиями угольной промышленности; экономическая политика правительства РФ в отношении угледобывающих предприятий, которая ставила их в неравные условия, например, при получении господотаций, что способствовало раздору между ними; отсутствие опыта проведения протестных акций в новых рыночных условиях; борьба за лидерство в шахтерской среде между двумя профсоюзами – НППГ и Росуглепрофсоюзом, которая часто приводила к несогласованным действиям; отсутствие общественно-политической организации, способной организовать борьбу угледобытчиков, и др. Даже в моменты самых массо-

вых всероссийских и региональных забастовок не все рабочие шахт и разрезов Кузбасса отказывались от работы.

В-четвертых, на снижение протестной активности шахтеров были направлены усилия главы администрации Кемеровской области М.Б. Кислюка. В марте 1992 г. главному исполнительному органу региона удалось заключить соглашение с влиятельным в то время Советом рабочих комитетов Кузбасса, в котором оговаривались условия не допущения массовых забастовок [11. С. 75]. В дальнейшем М.Б. Кислюк неоднократно выступал с осуждением акций протеста горняков. Забастовки и другие формы протестного движения шахтеров осуждал и его преемник А.Г. Тулеев. Он постоянно подчеркивал политическую и экономическую нецелесообразность той борьбы, которую вели кузбасские рабочие с президентом Б. Ельциным. Практика рабочего движения довольно часто подтверждала правильность прогнозов руководителей области в вопросе эффективности методов борьбы, точнее, их бесперспективности.

Реформирование угольной промышленности стало объективным требованием перехода с 1992 г. к рыночной модели экономики России. Угледобывающая отрасль показывала низкие производственные показатели, ее поддержание требовало значительных государственных дотаций. Поэтому в условиях неоднородного перехода промышленных предприятий на рыночные рельсы развития угольная промышленность оказалась в числе «экспериментальных». Однако в ходе реформирования социально-экономические проблемы угледобывающих регионов становились только острее. Уже тот факт, что ежегодно в Кузбассе с 1990 по 1998 г. снижалась угледобыча, указывает на ухудшение положения в отрасли и, соответственно, в социальной сфере горняков. В 1990-е гг. многие шахтеры с усмешкой вспоминали свою борьбу за «мыло и колбасу» в 1989 г. Причины, которые сподвигли их к борьбе за социально-экономические права в новых рыночных условиях, были намного серьезнее, чем в конце 1980-х гг.: низкая заработная плата и ее несвоевременная выплата, высокий удельный вес безработных в общей численности трудоспособного населения края, значительный уровень инфляции, сокращение государством объемов финансово-материальной поддержки социально незащищенных граждан и т.д. Если к маленькой зарплате шахтеры постепенно привыкли и какого-либо активного сопротивления с их стороны данная ситуация не вызвала, то несвоевременная выплата «кровно заработанных» стала главной причиной забастовок и других протестных акций в Кузбассе.

Задержки выплаты заработной платы возникли уже в январе 1992 г. и наращивали свои объемы фактически до конца рассматриваемого периода. Несвоевременная выплата заработной платы являлась нарушением Конституции России, и горняки долгое время пытались бороться с данным нарушением законными методами. Суды Кемеровской области были завалены исками к работодателям. Однако многие истцы вскоре убедились в малоэффективности этой формы протеста в связи с длительным сроком судебного процесса. Гиперинфляция быстро девальвировала заработки шахтеров.

Часто на предложения использовать в качестве метода прекращения конфликта обращение в суд на работодателя – директора шахты забастовщики отвечали: «Пока судиться будем, семьи наши с голоду перемерут» [12]. В 1996 г. в суды Кемеровской области поступили десятки тысяч исков о возмещении заработанных средств, а работодатели, соответственно, получили исполнительные листы на выплату 194 млрд рублей. Однако лишь незначительная часть этих денег была выплачена реально [6. С. 21]. Поэтому угледобытчики больше ориентировались на другие, более эффективные, на их взгляд, формы отстаивания социально-экономических прав.

В период подъема протестного движения в Кузбассе (1992–1996 гг.) активность шахтеров выражалась прежде всего в увеличении количества забастовок, энергичном участии во всероссийских стачках. Кредит доверия рабочих быстро таял, и уже в начале 1992 г. на шахтах края начались стихийные забастовки [1. С. 213], которые постепенно стали приобретать организованный системный характер. В последующие годы появляются новые, в том числе и радикальные, формы протеста горняков – подземные «забастовки», голодовки, пикеты, демонстрации, угрозы массовых самоубийств, «рельсовые войны» и др. Акции протеста горняков не только увеличивались количественно, но и изменялись качественно. Так, например, в середине 1990-х гг. наряду с экономическими требованиями стали появляться и политические. Можно смело утверждать, что протестное движение шахтеров Кузбасса уже в период подъема имело больший размах, нежели в 1989–1991 гг. Главные участники событий не стали столь популярными, как их товарищи в конце советской эпохи, только потому, что их внимание общественности не было так приковано к ним. Массовые забастовки и другие формы протеста стали обыденным явлением российской действительности. Мало того, шахтеров часто упрекали в их непоследовательности, отходе от демократических ценностей, видели в них угрозу рыночной модели экономики. На самом деле это была вынужденная борьба за физическое существование. Никаких открытых выступлений против демократической политической системы и рыночной модели экономики в процессе исследования не было зафиксировано. Наоборот, представители левых партий и движений так и не смогли получить значительной поддержки со стороны шахтеров Кузбасса в рассматриваемое время.

После динамичного развития стачечного движения в 1993 г. уже в конце данного года забастовка как форма протеста испытала кризис. Ее эффективность оказалась низкой, а удар по экономическим показателям бастующих предприятий – ощутимым. Поэтому в конце этого года отдельные горняки Кузбасса уже всерьез сомневались в действенности забастовки как формы протеста [13]. Это явилось одной из причин отказа рабочих шахт и разрезов края от участия во всероссийской забастовке горняков, которая прошла в декабре 1993 г. [14. С. 61]. Забастовки в дальнейшем не прекратились, но они были еще более разрозненными, а порой имели обратный эффект. После варварского закрытия в июле 1994 г. шахты «Черкасовская» («Прокопьевскуголь») шахтеры начали воспринимать угрозу закры-

тия более серьезно. Последующие события показали, что очень часто забастовки подталкивают отраслевое руководство к решению о закрытии предприятий. Следствием стало то, что работники убыточных шахт стали бояться бастовать, и забастовка стала «привилегией» наиболее рентабельных угольных предприятий [9. С. 254]. Забастовочное движение показало, что у шахтеров нет признанных лидеров, они не доверяли профсоюзам, политическим партиям, руководству страны. Горняки были способны бороться за свои права, но не видели перед собой ясных целей, конкретных задач, верных решений. Не было и единства в их действиях.

Использование в 1994 г. демонстрационных методов борьбы также не решало шахтерских проблем. В том году популярными стали подземные «забастовки» (с точки зрения Закона о разрешении трудовых споров пребывание на рабочем месте не означает начала забастовки). По подсчетам социологов, за период с января 1994 г. по март 1995 г. 407 шахтеров области провели под землей 34 дня. Действительно, подобные «демонстрационные забастовки» заканчивались почти полной победой, и деньги для выплаты заработной платы всегда находили [1. С. 213], но фактически сразу же появлялись новые задолженности перед горняками. Яркой демонстрационной акцией стало участие в 1994 г. 130 кузбасских шахтеров в пикете Дома Правительства в Москве [15]. Особого успеха данная акция не имела, но она способствовала выработке общей стратегии и тактики борьбы горняков всей страны. Не прервала хронические задержки зарплаты и такая радикальная форма протеста как блокада Транссиба (важнейшей железнодорожной магистрали), предпринятая шахтерами Анжеро-Судженска в конце 1994 г. Поэтому шахтеры продолжали использовать забастовку как форму протеста, в последующие годы, при этом больше стали уделять внимания таким аспектам протестного движения, как организованность, солидарность и содержание требований.

Отдельные финансовые вливания не решали коренных, системных проблем угольщиков. Рост задолженности по заработной плате шахтерам увеличивался, усиливалась коррупция и воровство на предприятиях, снижалась угледобыча. Начавшаяся во второй половине 1994 г. реструктуризация угольной промышленности не имела четкой программы и превратилась в процесс закрытия шахт и разрезов. Не повышалась эффективность действующих угледобывающих предприятий, вяло решались социальные проблемы горняков. В сознании членов правительства прочно укрепился тезис о «перепроизводстве угля», что, несомненно, раздражало шахтеров, усиливало их протестные настроения. Вместе с тем в начале 1990-х гг. Кузбасс продолжал оставаться далеко не самым худшим угледобывающим регионом как по экономическим показателям, так и по уровню жизни горняков. Статус ведущего угледобывающего района вынуждал правительство более ответственно подходить к финансированию шахтеров Кузнецкого края. Поэтому их борьба была менее заметной на фоне более динамичной борьбы шахтеров других регионов. По справедливому мнению некоторых исследователей, в то время как кузбасские горняки только консолидировали свои силы и требования, их

коллеги из других бассейнов устраивали «массовые и драматичные выступления» [16. С. 17]. Но опыт коллег других шахтерских регионов вскоре стал востребован в Кузбассе.

Переломным моментом в протестном движении шахтеров Кузнецкого края стал 1995 г. Мощное забастовочное движение начало дополняться использованием других форм протеста. 8 февраля 1995 г. произошла самая масштабная забастовка за весь период новейшей истории Кузбасса. В тот день остановили трудовую деятельность около 200 тысяч человек, 75 шахт, разрезы, обогатительные фабрики, машиностроительные заводы, автобазы. В крае не бастовали только три шахты [17]. Некоторые угледобывающие предприятия продолжили борьбу и после 8 февраля. В тот момент забастовка угольщиков, которая приобретала политический тон, совпала с негативной реакцией общества и средств массовой информации на войну в Чечне и получила очень активную общественную поддержку. Правительство быстро пошло на подписание соглашений с шахтерами, опасаясь «войны на два фронта» [9. С. 356].

Дольше других в состоянии забастовки в середине 1990-х гг. находилась шахта «Кузнецкая» (г. Ленинск-Кузнецкий), рабочие которой в течение 1995–1996 гг. 10 месяцев отказывались добывать уголь [1. С. 213]. Высокую забастовочную активность в это время показывали горняки Березовского, Киселевска и Прокопьевска. Между тем на угледобывающих предприятиях данных городов не было такого стачечного единодушия, как в Анжеро-Судженске [18. Л. 126], где имелись самые «неперспективные» угольные предприятия региона, которые по плану реструктуризации подлежали скорому закрытию.

Рост протестных настроений горняков Кузбасса в 1995–1996 гг. подтверждается широким использованием новых форм протеста как «мирного», так и экстремистского характера. Самым безобидным способом противодействия кризисным явлениям был массовый переход рабочих на рентабельные угледобывающие предприятия, например, на шахту «Распадскую». Однако такой ресурс имел ограниченный характер, и количество демонстрационных форм протеста увеличивалось. В борьбе за свои права шахтеры устраивали пикеты у зданий городских администраций, участвовали в пикетировании Дома Правительства в Москве, объявляли голодовки (порой прямо в забое), отказывались подниматься на-гора и т.д. Тревожным симптомом осложнения обстановки в угольной отрасли являлось участие в голодовках горноспасателей (Кемерово, Анжеро-Судженск) [19]. Однако серьезного эффекта данные формы протеста также не имели. Кузбасские горняки стали склоняться к необходимости использования более радикальных форм отстаивания своих интересов. Самую заметную акцию протеста в это время устроили 147 шахтеров «Киселевской», которые собрались в подземном складе взрывчатых веществ и угрожали поднять шахту на воздух [3. С. 232].

Победа Б.Н. Ельцина на президентских выборах 1996 г. на несколько месяцев стабилизировала общественно-политическую обстановку в России. Многие шахтеры надеялись на изменение социально-

экономического курса, старались не нарушать зыбкую политическую стабильность. Однако каких-либо видимых перемен в экономической и социальной сферах не происходило: уровень производства снижался, предприятия закрывались, задержки зарплаты росли, жизненный уровень подавляющей части населения продолжал снижаться. Осенью 1996 г. по всей стране прокатились митинги трудящихся и пенсионеров с требованием корректировки курса экономических реформ, а также отставки президента и правительства РФ. 5 ноября 1996 г. во всекузбасской забастовке, организованной профсоюзами, участвовали 160 тысяч человек, в том числе 132 тысячи шахтеров [14. С. 70–71]. Таким образом, в конце 1996 г. горняки вернули свои лидерские позиции в протестном движении края.

Кульминацией протестного движения шахтеров Кузбасса во время перехода к рыночным отношениям стал период 1997–1998 гг. В 1997 г. продолжала снижаться угледобыча, существенно увеличилось количество шахт, подлежащих закрытию по плану реструктуризации, возрастали объемы задолженности по шахтерским зарплатам и регрессным искам, набирала обороты безработица. Детонатором участия в акциях протеста стали шахты Кузбасса, находившиеся в критическом положении из-за задолженности по зарплате в 10–19 месяцев [20. Л. 4]. Сильным ударом по социальной сфере горняков стал финансово-экономический кризис, который особо проявился в 1998 г. и усугубил обстановку прежде всего в сырьевых регионах страны. Голод стал реальной угрозой для многих шахтерских семей. При этом Правительство России не предпринимало каких-либо качественных мер для решения шахтерских вопросов: медленно проводилась приватизация угледобывающих предприятий, отсутствовала комплексная борьба с криминализацией отрасли, не предпринимались меры социальной защиты населения и т.д. Все попытки губернатора А.Г. Тулеева привлечь внимание Кремля на кризисную ситуацию в регионе оставались незамеченными.

Весной 1997 г. началось резкое усиление социальной напряженности во всех угольных регионах России, особенно в Кузбассе. Иллюзии в отношении президента Б. Ельцина полностью развеялись, рабочие стали менять свои политические ориентиры, спланировать вокруг себя всех трудящихся. Несмотря на снижение стачечной активности шахтеров в 1997 г., по справедливому мнению А.М. Кацвы, они вновь выдвигаются «в первые ряды рабочего движения» [6. С. 96]. Важнейшими особенностями акций протеста шахтеров Кузбасса в 1997–1998 гг. являлись радикальность, продолжительность, рост солидарности, привлечение внимания общественности. В то время горняки Кузнецкого края неоднократно подчеркивали свое желание взяться за оружие в случае дальнейших промедлений выплаты «кровно заработанных» [21]. На фоне перманентных забастовок шахтеры все чаще начинают использовать радикальные формы протеста, прежде всего «рельсовые войны». Центром шахтерской борьбы становится Анжеро-Судженск, где была самая критическая обстановка с выплатой заработной платы и трудоустройством уволенных горняков. К тому же анжеро-судженцы имели положительный опыт проведения

«рельсовой войны» в 1994 г., когда быстро нашлись деньги на выплату зарплаты.

В 1997–1998 гг. горняки Анжеро-Судженска четырежды перекрывали Транссибирскую железнодорожную магистраль, по два раза в каждом году. При этом продолжительность блокады постоянно увеличивалась (от 16 часов в апреле 1997 г. до 16 суток в июле 1998 г.). «Рельсовые войны» стали наиболее эффективной мерой борьбы шахтеров по отстаиванию своих прав и интересов, так как на них следовала незамедлительная реакция со стороны властей. Пикетчики сразу же получали гарантии погашения задолженности по заработной плате. Примеру анжеро-судженцев следовали не только в Кузбассе, но и в других регионах России [14. С. 77–78]. Шахтеры Анжеро-Судженска первыми из кузбассовцев поддержали коллег Печорского угольного бассейна, которые в мае 1998 г. инициировали всероссийские «рельсовые войны». В дальнейшем данную форму протеста реально поддержали горняки Прокопьевска, Киселевска, Березовского, Междуреченска, а также машиностроители Юрги. Рядом с горняками на рельсах стояли учителя, врачи, коммунальщики, работники автотранспортных предприятий, пенсионеры и др. Пикетчики выдвигали не только экономические, но и политические требования. Кремль был не готов к такому повороту событий, так как его дезориентировало снижение в 1998 г. масштабов забастовочного движения в России [22]. По оценке пресс-секретаря президента страны С. Ястржембского, «22–23 мая “рельсовая война” угрожала экономической целостности Российской Федерации». В тот критический момент вся страна услышала радиообращение Б. Ельцина с призывом прекратить блокаду железнодорожных магистралей. Президент заявил о «необходимости навести порядок в шахтерской отрасли» [23]. Чтобы погасить пламя борьбы шахтеров России, правительству пришлось пойти на значительные уступки, высказывать дополнительные источники финансирования угольной отрасли.

Самая продолжительная блокада Транссиба осуществлялась шахтерами Анжеро-Судженска с 3 по 19 июля 1998 г. Главной причиной нового перекрытия важной транспортной артерии стало невыполнение условий протокола, подписанного между пикетчиками и правительственной комиссией в мае. Между тем горняки других регионов России отказались использовать «рельсовую войну» как форму протеста, поэтому в июле реакция правительства РФ оказалась вялой, и акция протеста анжеро-судженцев затянулась. На фоне снижения забастовочной активности в стране и отказа от участия в блокаде железных дорог шахтеров других городов Кузбасса угледобытчики Анжеро-Судженска были вынуждены пойти на уступки правительству и снять политические лозунги. Вместе с тем данная акция явилась широко известной и самой драматичной за все время протестного движения шахтеров Кузбасса в 1990-е гг. Она спровоцировала новые очаги стачечного движения по всей России, в том числе и в форме «рельсовых войн» [24. С. 107].

Кроме «рельсовых войн» знаковым событием «жаркого» для шахтеров 1998 г. стало очередное пикетирование ими Дома Правительства РФ. Участники и все,

кого затронула всероссийская акция протеста на рельсах, стали склоняться к мысли о том, что в современных рыночных условиях данная форма борьбы противоречит интересам пикетчиков. В мае в наибольшей степени от «рельсовых войн» пострадали народные хозяйства участвовавших в них регионов. Поэтому один из лидеров шахтерского движения в стране – Независимый профсоюз горняков России сменил стратегию протестной борьбы с Кремлем. Вместо «рельсовой войны» НПП предложил с 12 июня начать пикетирование Дома Правительства РФ. Эту идею поддержали во всех угледобывающих регионах, в том числе и в Кузбассе. В отличие от предыдущих подобных акций, это пикетирование стало намного продолжительнее (проходило больше трех месяцев) и имело широкий общественный резонанс, в том числе и на международном уровне. Вместе с тем позиции НПП в Кузбассе были слабыми, поэтому горняки края не приняли такого активного участия в акции, как, например, их товарищи из Печорского бассейна.

Дефолт в августе 1998 г. привел к дополнительной потере сбережений и росту цен на товары первой необходимости, а результаты стука шахтерских касок на Горбатом мосту были незначительными. Все это озлобляло горняков, подталкивало их к новым акциям протеста. По мнению губернатора А.Г. Тулеева, в любой момент ситуация в регионе могла выйти из-под контроля [25. Л. 2]. Вполне закономерным стало массовое участие шахтерских городов Кузбасса (особенно Кемерово, Новокузнецка, Прокопьевска, Анжеро-Судженска, Ленинск-Кузнецкого) в митингах, организованных ФНПР 7 октября. Как и трудящиеся 78 субъектов России, горняки Кемеровской области требовали смены социально-экономического курса реформ и отставки президента Б. Ельцина. В тот день в первую смену бастовали 64 угледобывающих предприятия края [26]. Данные митинги стали последней крупной акцией протеста, в которой участвовали шахтеры Кузбасса в 1998 г. В отличие от предыдущих противостояний, новое правительство РФ во главе с Е.М. Примаковым отреагировало на требования трудящихся. Стало корректироваться социально-экономический курс, вырабатываться новая топливно-энергетическая политика, а главное – выполняться обещания, что заметно повысило авторитет правительства среди угледобытчиков, снизило градус их недовольства.

Экономический подъем в стране начиная с конца 1998 г. позволил постепенно погасить задолженность потребителей перед шахтерами, сократить задержку заработной платы, повысить инвестиционную привлекательность угольной промышленности, стимулировать подъем в смежных отраслях народного хозяйства угледобывающих регионов, заняться диверсификацией экономики Кузбасса, повысить рентабельность экспортно-ориентированных угледобывающих предприятий и т.д. Созданию настоящих рыночных отношений в рассматриваемой отрасли способствовали новые подходы в области приватизации шахт и разрезов, положительные последствия которой обозначились весьма быстро. Например, после полной приватизации угольной компании ОАО «Южный Кузбасс» добыча выросла с 8,9 млн т до 9,1 млн т [27]. С 1998 г. в Кузбассе не

было закрыто ни одной шахты. Более того, началось строительство новых угледобывающих предприятий. Впервые за все 1990-е гг. удалось остановить падение объемов добычи угля, а в дальнейшем иметь их ежегодный рост. По мнению одного из авторов проекта реструктуризации угольной промышленности, с 1998 г. стала проявляться и «относительная эффективность системы мер по социальной защите» населения шахтерских городов [28. С. 145]. Безусловно, все это способствовало повышению эффективности угольной промышленности и снижению социальной напряженности в крае.

С 1999 г. протестное движение шахтеров Кузбасса приобрело ярко выраженную отрицательную динамику. Из форм борьбы ими использовалась в основном забастовка. В тех случаях, когда рабочие шли на радикальные меры (например объявляли голодовку), количественный состав участников был незначительным. Протестную активность в большей мере показывали не

столько сами горняки, сколько смежники и регрессники. Важной особенностью забастовочного движения в том году стала смена задач. Горняки требовали не только сокращения задолженности по зарплате, но и выделения средств на реконструкцию предприятий и развитие новых технологий. Наиболее знаковой чертой протестного поведения шахтеров Кузбасса в 1999 г. стал их отказ от участия в коллективных акциях протеста, которые в том году все-таки прокатились по стране [29. С. 114].

В целом динамика протестного движения шахтеров Кузбасса во время перехода к рыночным отношениям соответствовала динамике реформ в угольной промышленности России. Рост протестной активности вызывал качественно новую волну преобразований в главной отрасли экономики края. Между тем затянувшаяся борьба негативно отразилась на социально-профессиональной структуре отрасли, лидерстве горняков в рабочем движении, общей солидарности трудящихся на уровне как региона, так и страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Угольная промышленность Кузбасса. 1721–1996. Кемерово, 1997.
2. Воронин Д.В. Влияние реструктуризации угольной промышленности на социально-политические процессы в Кузбассе в 1990-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 3 (4). С. 74–80.
3. Угольный Кузбасс: страницы истории. Кемерово, 2005.
4. Лопатин Л.Н. Шахтеры и «начальство» о рабочем движении Кузбасса в 1989–90-е гг. К 20-летию забастовки (Историография. Анализ. Мнения). Кемерово, 2009.
5. История Кузбасса. Кемерово, 2006.
6. Кацва А.М. Массовый протест в социально-трудовой сфере. Коллективные действия наемных работников в современной России: истоки, проблемы и особенности. М.; СПб., 2002.
7. Морозова Е. Отношение кузбассовцев к «железнодорожному бунту» // Кузнецкий край. 1998. 2 июня.
8. Чураков Д.О. Бунтующие пролетарии: рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). М., 2011.
9. Борисов В.А. Забастовки в угольной промышленности (анализ шахтерского движения за 1989–1999 гг.). М., 2001.
10. Правительство отказалось от переговоров с Федерацией независимых профсоюзов России // Кузбасс. 1992. 22 января.
11. Гордон Л.А. Очерки рабочего движения в постсоциалистической России (субъективные наблюдения, соединенные с попыткой объективного анализа промежуточных результатов исследования). М., 1993.
12. С кого спросить зарплату в феврале // Кузбасс. 1996. 16 января.
13. Васильев В., Живописцев М. Забастовка: «за» и «против» // Кузбасс. 1993. 30 ноября.
14. Забастовки. Зарубежный и отечественный опыт. М., 1998.
15. Большанин А. Дом правительства пикетируют шахтеры // Кузбасс. 1994. 31 марта.
16. День шахтера (реструктуризация угольной промышленности глазами участников и журналистов). М., 2004.
17. Кладчихин В. Шахтеры оказались дружнее, чем хотелось бы властям. Если от властей не последует столь же дружная помощь, весной может похолодать // Кузбасс. 1995. 10 февраля.
18. ГАКО. Ф. Р-177. Оп. 26. Д. 103.
19. Синявский Б. Кузбасские горноспасатели «легли» – последуют ли за ними шахты региона // Кузбасс. 1996. 27 ноября.
20. Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 340.
21. Попок В. Стояние на Транссибе // Кузбасс. 1998. 21 мая.
22. Россия в цифрах : крат. стат. сб. / Госкомстат России. М., 2000.
23. Российская газета. 1998. 26 мая.
24. Соловенок И.С. «Рельсовые войны» в России в 1998 году. Томск, 2011.
25. ГАРФ. Ф.-10104. Оп. 1. Д. 3.
26. Без президента проживем. Без отечественного работника – нет! // Кузбасс. 1998. 8 октября.
27. Реструктуризация угольной промышленности – как это было... URL: <http://www.ru-90.ru/content/>
28. Кожуховский И.С. Реструктуризация угольной промышленности России : дис. ... канд. экон. наук. М., 2003.
29. Социальные проблемы, рабочие организации и профсоюзы в современной России: Документы, статистика, библиография / отв. ред. А.М. Кацва. М., 2006.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 июля 2012 г.